

И. М. Басовец

**ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ И ОБЩИЕ ПАРАМЕТРЫ
ДЕАВТОРИЗАЦИИ И ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ**

Проблема фиксации авторства сообщаемого, когда в высказывании или тексте содержатся языковые единицы, указывающие на то, что информация исходит от имени другого субъекта, отличного от автора текста, была и остается в центре внимания лингвистов, поскольку непосредственно влияет

на достоверность, точность и надежность сообщаемой информации. Эта проблема исследуется в языкознании с учетом разных подходов, в том числе в рамках таких категорий, как «деавторизация» и «эвиденциальность», которые, несомненно, имеют точки пересечения, однако не являются тождественными. В данной работе резюмированы общие и отличительные черты этих понятий в отношении их языковых характеристик и экстралингвистических факторов.

Во-первых, значимыми для понимания различий между данными категориями следует считать внелингвистический контекст и сложившуюся практику лингвистических исследований, которые привели к необходимости их разграничения. Понимание деавторизации основывается на концепции авторизации, изложенной Г. А. Золотовой, с применением положений теории референции в части характеристики субъектов конструкций деавторизации, в то время как разработка понятия эвиденциальности связана с построением типологии языков на основании вербализации способа доступа говорящего к сообщаемой информации.

Во-вторых, сопоставляемые категории демонстрируют существенные различия в отношении доступа к информации и / или ее подачи. За исключением некоторых терминологических расхождений, исследователи сходятся во мнении, что существует две системы эвиденциальности: *непосредственная (прямая)* и *опосредованная (посредническая)*, при этом последняя подразделяется на косвенную (в некоторых работах используется термин *цитатив*) и инференциальную (существующий альтернативный термин – *инферентив*). Непосредственная эвиденциальность включает указание на источник, доступный сенсорному восприятию говорящего; косвенная эвиденциальность содержит указание на источник передаваемой говорящим информации; инференциальная эвиденциальность позволяет говорящему восстановить имевшую место ситуацию, свидетелем которой он не был, на основании собственного вывода. Иногда с учетом разновидности канала, по которому говорящему поступает информация, выделяют пять типов эвиденциальности (хотя подобное различие подтипов не противоречит широко принятому разделению эвиденциальности на три основных типа, а лишь детализирует его), различая визуальную и аудиальную эвиденциальность в непосредственной разновидности, а инференциальную эвиденциальность подразделяют в зависимости от того, пришел говорящий к выводу на основании визуальной информации или делает предположение на основании знаний (косвенная эвиденциальность на подтипы не делится). При разработке концепции деавторизации критерий доступа к информации (имел ли говорящий доступ к ситуации лично или через посредника) не важен; для данной категории значимой является только та информация, которая подается от имени лица, отличного от говорящего, причем это лицо или группа лиц не могут быть идентифицированы адресатом, поскольку в высказывании и / или тексте они представлены в обобщенном, неопределенном виде или подразумеваются.

В-третьих, различаются ключевые конститuentы в составе категорий. Так, ключевым фактором в понимании деавторизации на уровне как предложения, так и текста является трактовка субъекта в конструкциях деавторизации или деавторизованных высказываниях, в то время как в исследованиях по эвиденциальности значительное внимание уделяется глагольным категориям. К примеру, в создании деавторизации участвует нереферентный (обобщенный или неопределенный) субъект четырех семантических разновидностей (речи, мысли, оценки, восприятия), при этом субъект может быть выраженным или подразумеваемым. Существующая литература по эвиденциальности не демонстрирует обусловленности субъектным компонентом определенных конструкций и / или его характеристиками, более того, в ряде языков эвиденциальная информация грамматикализована, т. е. встроена в формы глаголов в виде аффиксов, представлена граммемами или трактуется как особое наклонение, поэтому в них показатели эвиденциальности обязательны для употребления на уровне глагольной морфологии (например, в тюркских, кавказских, африканских языках, в языках американских индейцев и др.).

В-четвертых, отличия обнаруживаются в средствах реализации данных категорий. Так, экспликаторами трех основных типов эвиденциальных значений являются языковые средства, указывающие на источник информации или степень достоверности сообщаемой пропозиции. Например, для выражения прямой эвиденциальности используются средства, позволяющие говорящему подчеркнуть, что он лично наблюдал описываемое событие; средствами реализации инференциальной эвиденциальности в высказывании являются, как правило, модальные слова или словосочетания, указывающие на собственное умозаключение говорящего, выражающие значение возможности, предположения, вероятности сообщаемого; косвенная эвиденциальность реализуется в высказывании посредством эвиденциальных маркеров, которые являются показателями чужой речи. В отличие от эвиденциальности, языковыми средствами реализации категории деавторизации являются конструкции деавторизации четырех структурных типов: предложно-падежные, субъектно-предикатные, бессубъектные и номинализованные, представляющие собой синтаксические конструкции, содержащие указание на нереферентный субъект – источник информации о предметах, явлениях объективной действительности.

В-пятых, расхождения между сравниваемыми категориями обнаруживаются и в роли говорящего. На основании выделения двух систем и трех типов эвиденциальности правомерно определить три роли говорящего, который может выступать: 1) перцептором или наблюдателем, передающим непосредственно воспринятую ситуацию (в случае с прямой эвиденциальностью); 2) ретранслятором, который передает полученную от другого источника информацию (при косвенной эвиденциальности), и 3) репрезентатором инференции, который озвучивает сделанное на основании внешних данных

или знаний собственное умозаключение (если имеет место инференциальная эвиденциальность). Во второй из вышеупомянутых ролей говорящего сопоставляемые категории демонстрируют точки пересечения, поскольку в случае с деавторизацией говорящий также выполняет роль ретранслятора при передаче сообщений, но только тех, которые подаются от имени обобщенных или неопределенных субъектов.

Что касается общих параметров сопоставляемых категорий, то следует отметить, что деавторизация оказывается наиболее тесно связанной с косвенной разновидностью эвиденциальности. Как и в случае с цитативом, которую маркируют показатели чужой речи, в деавторизованных высказываниях также употребляются маркеры чужой речи, однако при этом они: а) представлены в форме синтаксических конструкций; б) чужая речь принадлежит неидентифицируемому обобщенному либо неопределенному субъекту; в) в деавторизованных высказываниях источник информации может быть не только субъектом речи (как в цитативе), но и принадлежать к другим семантическим разновидностям и являться субъектом мысли, оценки или восприятия.

Общие черты сопоставляемых категорий обнаруживаются и в их отношении к достоверности сообщаемого. В случае с прямой и инференциальной эвиденциальностью (когда говорящий строит свое высказывание, исходя из собственных наблюдений или умозаключений), сообщаемая информация трактуется как достоверная (при выполнении условия искренности); в случае с косвенной эвиденциальностью (полученной из другого источника и ретранслируемой адресату) высказывание может быть как достоверным, так и недостоверным. В случае с деавторизацией вследствие употребления нереферентного субъекта, соотносимого с неточностью как измерительным параметром достоверности, последняя может либо снижаться, либо оставаться в нейтральном статусе (имеет место при ссылке на весьма обобщенные данные исследований и общественно-историческую практику).

Таким образом, основные различия категорий деавторизации и эвиденциальности проявляются в отношении доступа к информации и /или ее подачи; ключевых конституентах в составе категорий; языковых средствах реализации; роли говорящего; сложившейся традиции лингвистических исследований. Деавторизация не имеет отношения к непосредственному восприятию говорящим ситуации или его выводам на основании некоторых сведений, поэтому не связана ни с прямой, ни с инференциальной эвиденциальностью. Связь деавторизации с косвенной эвиденциальностью обнаруживается в указании источника передаваемой информации, отличного от говорящего, и влиянии на степень достоверности сообщаемого. Основные различия между деавторизацией и косвенной разновидностью эвиденциальности заключаются в типе референции и семантике субъекта.